

На спектаклях Ленинградского
академического театра драмы
имени А. С. Пушкина

ДОРОГИЕ НАШИ АРТИСТЫ

Еще более полувек назад некоторые критики пророчили гибель театральному искусству. Рождение и развитие кино дали приверженцам этого взгляда новые аргументы: мол, «седьмая муза», всепроникающая и вседесущая, вот-вот совершенно вытеснит театр. Однако проходят годы, бурно развивается кино, но и зеленое древо театра разрастается, дает все новые победы.

Каждому — свое. Театр дарит зрителю неповторимое ощущение непосредственного контакта с актерами, своеобразной «передачи и приема творческой энергии на коротком расстоянии», наслаждения искусством, творимым на твоих глазах.

Театр без актера не существует. И не здесь ли кроется тайна передаваемых из уст в уста восторженных преданий о том, как великие Щепкин и Мочалов потрясали сердца в ролях, не оставивших заметного следа в истории драматической литературы. Кстати говоря, последний из них выступал на сцене Александринки, как называли до революции театр, что носил ныне в Ленинграде имя А. С. Пушкина.

Именно его труппа всегда славилась блестящими созвездиями актерских талантов. И ныне ленинградцы по праву гордятся этим драматическим коллективом, в составе которого ряд ярчайших актерских индивидуальностей.

В репертуаре, который привезли в Москву пушкинцы, отчетливо ощущаются поиски театром своего героя. Героя, активно действующего в мыслящем, созидающего свою ответственность за все происходящее на земле. Человека с большой буквы, которого Горький называл человеком миропонимания. Пафос утверждения такого героя и является ведущим в постановках пьес «Дело, которому ты служишь» (по трилогии Ю. Германа), «Жизнь Сент-Экзюпери» Л. Малюгина, «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана.

Инсценировка известного романа Ю. Германа, сделанная режиссером-постановщиком А. Музилом, далеко не всегда дает необходимый материал актерам для глубокой разработки характеров. В ней есть в облегченность решений сложных жизненных конфликтов, в тот известный схематизм, который почти неизбежно ставится в уделом переложения для сцены многих произведений. Но привлекательность этой вещи в ее центральной героине — личности благородной и целеустремленной, самоотверженной и творческой, воодушевленной истинной любовью к людям.

Доктор Владимир Устименко, «дорогой мой человек», вошел в сознание многих зрителей таким, каким воссоздал его на киноэкране Алексей Баталов. В трактовке образа

на ленинградской сцене артистом Игорем Горбачевым можно узнать те же знакомые черты. Герой Горбачева, внешне суровый, замкнутый, почти фанатически одержимый, открывается нам прежде всего как человек никогда не дремлющей совести. Его резкость и даже «агрессивность» служат не только средством выступления против хищных себялюбцев в циничных любителей легкой жизни, но и способом самозащиты легко ранимого сердца.

Самоотверженную преданность делу, бескомпромиссное следование высокому нравственному закону и ценят в Устименко секретарь обкома партии Золотухина (артист А. Соколов). Уже немолодой, усталый, обремененный легкими грузом забот первых послевоенных лет, Золотухин порой раздражен резкостью Устименко, требующего почти невозможного в данную минуту. Но, как истинно партийный деятель, он понимает глубинные мотивы «черствости» доктора, помогает ему.

И Горбачев любит своего коллежского «лекаря», во порой любовь переходит в некоторое любование, и тогда в исполнении актера появляются театральные жесты и та красота, которая выступает в противоречие с характером героя.

Нравственная высота, цельность натуры открываются и в образе хирурга Богословского (артист Ю. Толубеев). Игра Толубеева — один из ярких образов того, как актер становится соавтором роля и на весьма ограниченном драматургическом «паладарме» создает значительный жизненный образ. Думается только, что в сцене гибели драматургически не разработанный актер не получил возможности показать нравственную силу этого скромного русского человека, который скорее умрет, чем отступит от своих убеждений.

Рыцарю без страха и упрека посвящает театр и постановку «Жизнь Сент-Экзюпери» о замечательном французском писателе и летчике, чья судьба в книге — редкостное на современном капиталистическом Западе воплощение оптимистической веры в человека в бескорыстного служения ему.

...В глубине сцены снетится земной шар, описанный белой дорожкой — дымчатым следом облетающего планету самолета (художник Д. Попов). Декорация выражает философский замысел постановки — размышления о жизни современного мира, о высокой мысли и ответственности человека (режиссер В. Эренберг).

В исполнении И. Горбачева роли Сент-Экса, как называли писателя-летчика его друзья, есть и напряженно бытовавшая мысль героя, и его бескомпромиссная прямота, и провидя, даже известное язвист-

ство, но все же, думается, артист пока что создаст лишь обаятельный контур замечательного образа.

«Меня мучает, что в каждом человеке, может быть, убит Моцарт», — говорил Сент-Экзюпери. Тревога за человека, за его сегодняшнее существование на нашем раскаленном земном шаре, как эстафета, передается из спектакля в спектакль ленинградцев. Так, в постановке «Перед заходом солнца» она внятно звучит в образе Маттиаса Клаузена, роль которого играет выдающийся советский трагик Николай Симонов.

Герой Симонова появляется на сцене с какой-то солнечной улыбкой, словно лучась радостью жизни, благожелательностью, стремлением одарить всех тем светом, что горит в его душе. Но когда вступлена на адрен мепане начинают атаку, он бросается в бой яростно, неистово, готовый пасть на поле битвы.

Симонов играет с истинно трагической мощью, и его игра доставляет зрителю незабываемые моменты высшего эстетического наслаждения, глубочайшего потрясения. Актер подымает образ до огромного обобщения. Его Маттиас Клаузен — это совесть людская, оскорбленная торжествующим скотством, сражающаяся с угрозой фашизма, с наступающей тьмой. К сожалению, философский масштаб созданного Симоновым образа не поддержан в достаточной мере общим режиссерским решением спектакля (постановка А. Музила). В то же время здесь есть и другие актерские достижения, как, например, Н. Ургант, пленительная в своей чистоте и бескорыстности Инкен, в М. Екатеринбургский в роли слуги Клаузена, молчаливого, глубоко страдающего Винтера, который видит, как благородное сердце изнемогает под ударами торжествующего мракобесия.

Вообще надо сказать, что наибольшую радость в спектаклях ленинградцев приносит яркие актерские работы, к которым, кроме уже отмеченных выше, хотелось бы добавить работы А. Борисова, В. Меркурьева, В. Честного, В. Б. Фрейндлиха и К. Адашевского, О. Лебзак и Л. Штыкаев, Н. Мамаевой и Ю. Родионова и других. В целом же спектакли в своем постановочном решении не доведены порой до масштабов, предлагаемых ведущими исполнителями, им недостает подлинной ансамблевости. И об этом стоит подумать ленинградцам, несмотря на очевидный, подтвержденный овациями успех.

А успех был большой. И завес поднималась неоднократно. И в горячих аплодисментах зрительного зала каждый вечер слышалось восторженное и благодарное:

— Дорогие наши артисты!
Г. КАПРАЛОВ

1967, 3 июля
Драбга, Москва